

КОНЦЕПЦИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ЗОН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ Б.Г. ЮДИНА И ПРОБЛЕМЫ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Е.Г. Гребенщикова

Доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН, доцент кафедры биоэтики РНИМУ им. Н.И. Пирогова, aika45@ya.ru,

Р.Р. Белялетдинов

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии РАН, roman_rb@mail.ru,

М. Кожевникова

Кандидат философских наук, научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, kmgadlena@yandex.ru,

Шевченко С.Ю.

Младший научный сотрудник, сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, simurg87@list.ru.

Статья посвящена памяти лидера биоэтического движения в России доктора философских наук, члена-корреспондента РАН, профессора Б.Г. Юдина. В статье раскрывается эвристический потенциал концепции пограничных зон человеческого существования для разработки проблематики улучшения человека, которой Борис Григорьевич уделял много внимания последние годы. Авторы обращаются как к тем проблемам, которые активно обсуждались в совместных дискуссиях, так и к новым идеям, в дальнейшем развитии которых творческое наследие Б.Г. Юдина будет без сомнения востребовано.

Ключевые слова: пограничные зоны существования человека, улучшение человека, гибриды, искусственное и естественное, человек и животное, человек и машина.

*The article is dedicated to the blessed memory of our
teacher and colleague B.G. Yudin*

THE CONCEPT OF BORDER ZONES OF HUMAN EXISTENCE SUGGESTED BY B.G. YUDIN AND THE PROBLEM OF HUMAN ENHANCEMENT

E.G. Grebenshchikova

D. Sc. (philosophy), Head of the Centre for Science Information Research in Science, Education and Technology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Associate Professor of Bioethics of the Pirogov Russian National Research Medical University, aika45@ya.ru

R.R. Belyaletdinov

PhD (philosophy), Junior Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, roman_rb@mail.ru

M. Kozhevnikova

PhD (philosophy), Research Fellow of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, kmgadlena@yandex.ru, of

S.Yu. Shevchenko

Junior Research Fellow of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, simurg87@list.ru.

The article is dedicated to the memory of the leader of bioethical movement in Russia, Doctor of Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor B.G. Yudin. The article reveals the heuristic potential of the concept of border zones of human existence for the

development of human enhancement problems. These problems had been the focus of B.G. Yudin's studies over the past years. The article covers both new ideas and heatedly discussed topics. We suggest that the immense creative heritage of B.G. Yudin will be used to give birth to new ideas.

Key words: border zones of human existence, human enhancement, hybrids, artificial and natural, man and animal, man and machine

Несколько лет назад Б.Г. Юдиным была предложена концепция пограничных зон индивидуального человеческого существования, которая, на наш взгляд, имеет значительный ресурс для дальнейшей теоретической разработки, как актуальных, так и вновь возникающих проблем биоэтики. Исходным пунктом теоретических построений Бориса Григорьевича было понятие предельной, или пограничной, ситуации, в которой система наиболее чувствительна к любым, даже незначительным воздействиям. Он раскрывает её на примере перехода воды из одного агрегатного состояния в другое, из твердого в жидкое; в термодинамике подобного рода превращения называют фазовыми переходами [4, с. 103-104.]. Одна из характеристик фазового перехода – нестабильность, следствием чего является нелинейный характер воздействий и реакций, что применимо и к социальным системам, где слабое воздействие может вызвать большие сдвиги и потрясения в обществе, а также к человеку, который все чаще оказывается объектом самых разных воздействий, осуществляемых с помощью соответствующих технологий, в том числе, технологий улучшения человека. Все большее "обволакивание" человека новыми технологиями неизбежно актуализирует вопросы о тех самых пограничных зонах, в пределах которых технологические вмешательства могут быть особенно результативными.

Обращение к проблематике пограничной ситуации, как утверждал Б.Г. Юдин, позволяет лучше понять, что есть человек. "Ведь именно в предельных ситуациях зачастую наиболее отчетливо проявляются какие-то определяющие черты интересующего нас объекта" [4, с. 104]. Он выделял четыре пограничные зоны: первая располагается между жизнью и смертью индивидуального человеческого существа; вторая – предвещает рождение человека; третья – разделяет (или, может быть, соединяет?) человека и животное; четвертая зона тоже, может быть, разделяющая, а может быть, объединяющая человека и машину.

Предложенный Б.Г. Юдиным подход, может быть дополнен и расширен за счет новых пограничных ситуаций, а также, на наш взгляд, за счет теоретического переосмысления рассматриваемой концепции в контексте проблематики улучшения человека, над которой он активно работал последние годы.

Неверие Фомы в «онтологической политике» жизни и смерти

1. Научные факты часто контринтуитивны.
2. Одним из источников формулировки научного факта выступают полученные стандартизированными методами данные.
3. Способом общественного признания научного факта, придания ему значения в формировании социальных структур и практик, иногда служит принятие регуляторного («политического») решения.

Каждое из трех приведенных утверждений на первый взгляд не содержит в себе и намека на серьезные гуманитарные риски, связанные с развитием

технонауки. Однако, зачастую использование достижений биомедицинских технологий направлено на пограничные зоны человеческого существования. Научный факт, связанный с использованием такого рода «человекоориентированных» технологий, приводится в качестве основания для регуляторного решения, меняющего не только онтологию конкретной научной дисциплины, но онтологию «жизненного мира» «человека с улицы».

Рассмотрим обозначенную Б.Г. Юдиным ситуацию с фиксацией смерти мозга и недоверием к результатам процедуры со стороны рядового человека, названного им Фомой Неверующим [4].

Биологи, медики, юристы единодушно признают мертвым человека, чей мозг перестал функционировать, и эта остановка сопровождается необратимыми изменениями. В основу этого решения ложатся собранные стандартизированными инструментальными методами данные, подтверждающие отсутствие мозгового кровообращения и электрической активности мозга. Законодательно зафиксированное решение о наборе критериев смерти мозга и через него решение о смерти мозга в частном случае конкретного пациента подкреплены и стабилизированы законодательно. Собственно, получив данные об остановке кровоснабжения мозга и т.д. у врачей нет никакого иного выбора, кроме фиксации смерти. Однако для Фомы Неверующего такое решение выглядит контринтуитивным. Признанный мертвым человек до отключения его от аппаратов жизнеобеспечения не похож на мертвого. Он не мертвенно бледен, благодаря специальным устройствам он дышит. Собственно, ситуация довольно типичная для многих палат и клиник, оборудованных аппаратами «искусственное сердце - легкие».

Значит ли что-то неверие Фомы в этой ситуации? В конечном счете – нет, на стороне решения врачей закон, в основании закона – научные факты о деятельности мозга. В дисциплинарных онтологиях, в которой работают врачи, биологи, юристы, они имеют дело уже не с человеком, а только с его мертвым телом. «Онтологическая политика» в этом случае признает монополию на истину за профессионалами здравоохранения. Опротестовать этот способ включения научно «реального» в «политическое» можно было бы – несколько десятилетий назад, до стабилизации факта признающего биологическую смерть мозга равной социальной и «политической» смерти индивида. Тогда, на этапе (пусть даже потенциальных) общественных дискуссий вызванных, например, первой признанной успешной пересадкой сердца К. Барнардом голос даже одного «человека с улицы» мог быть учтен при признании смерти мозга реальным фактом и при включении этого факта в регуляторное «политическое» решение. Но Барнард проводил эту трансплантацию полвека назад и к сегодняшнему Фоме Неверующему тогдашние дискуссии не имеют отношения. Пограничная зона разграничена без его участия.

С другой стороны, сама ситуация смерти мозга также создана технологически – до появления аппаратов «искусственное сердце - легкие» она была невозможной. Учитывая это, ученые, биологи и медики в любом случае определяют рамки дискуссии, предшествовавшей принятию регуляторного решения о признании смерти мозга равнозначной смерти человека. Вместе с тем, важно, что сами понятия смерти мозга и смерти человека не выглядят

обязательным компонентом биологических и медицинских наук – попробуем разобраться, почему. Американский философ Карен Ковака детально анализирует различные способы понимания и функционирования концепта «индивид» в биологических науках. Она последовательно опровергает утверждения о том, что понимание сущности «биологического индивида» влияет на качество эмпирической работы, или оно связано скорее с формулировкой концептуальных выводов в биологии. Понятие индивида размывается, когда мы принимаем во внимание разнообразие критериев его выделения (определения): единство генетической информации, способность к размножению, автономному существованию и т.д. Следовательно, предполагает Ковака, биологическая индивидуальность имеет целый ансамбль критериев, и биология не нуждается в сведении этого разнообразия к единой жесткой схеме [11, С. 1092-1103.]. Ни одно определение «индивида» не будет полным и удовлетворяющим всем исследовательским практикам и программам в биологии. И раз понятие индивидуального выглядит тем неопределеннее, чем пристальнее мы всматриваемся в детали биологических систем – точно также смерть индивида выглядит событием трудно определяемым. Она может быть отнесена к прекращению сердечной или дыхательной деятельности, или работы мозга. Смерть мозга зондрируется на смерть коры и смерть ствола мозга. Перед нами – целое множество вполне сложных и детализированных научных онтологий. Однако все эти онтологии регуляторным решением сведены к одной, в которой смерть индивида приравнена к смерти его мозга. Четко и однозначно определены инструменты измерения и результаты этих измерений, позволяющие констатировать смерть. То есть внутри биологического и медицинского дискурса споры о критериях смерти выглядят уместным, вне их – в измерении права и политики, такие дискуссии кажутся как минимум анахроничными, факты науки стабилизированы, критерии однозначны. Или, обращаясь к тексту Б.Г. Юдина: «...когда мы пересекаем внешнюю границу этой зоны, то получаем право уверенно утверждать, что «это» – уже не человек. Находясь же внутри пограничной зоны, мы лишены четких ориентиров, позволяющих однозначно решать, имеем ли мы дело с человеком или нет» [4, с. 106].

Б.Г. Юдин сравнивает пограничные зоны со стадией фазового перехода физической системы, проходя которую система становится чувствительна к малым возмущениям, способным повлечь значительные изменения. Собственно, еще в античной медицине понятие «кризис», относилось именно к такому моменту, в котором даже малое вмешательство врача способно качнуть чашу весов в сторону жизни или смерти. С другой стороны, чувствительной к малым флуктуациям видится и линия схлопывания всего разнообразия научных онтологий, к онтологии регуляторной. Проходящая по этой линии граница правового определения смерти индивида легко может быть сдвинута расширением сферы медицинского, технологического воздействия – пока что-то еще можно сделать, говорить о смерти будет рано. Эта двоякая чувствительность рамок пограничной зоны имеет прямое отношение к её технонаучному характеру. Поскольку, для технонауки главным условием служит не объяснение, но изменение собственных объектов, её возможности задают саму границу, вокруг которой и формируется пограничная

зона. В этом отношении она выступает как зона желаемого расширения технонаучных возможностей человека, как зона наиболее интенсивных социальных ожиданий от развития наук и технологий.

Неверие Фомы может корениться в восприятии ожидаемого как уже реального – граница может видится на переднем крае пограничной зоны, ожидаемые успехи принимаются за уже достигнутые. Тем не менее, непреходящей проблемой выглядит и контринтуитивный характер научных фактов и регуляторного решения, построенного за счет их «схлопывания», «сворачивания». По этой причине даже созданные со всей возможной открытостью системы вовлечения «людей с улицы» в обсуждение решений «онтологической политики» всегда нуждаются в тонкой настройке.

Этические проблемы генетического редактирования эмбрионов человека

"...Следует заметить, – писал Б.Г. Юдин, – что пограничная зона, через которую проходит рождающееся человеческое существо, является, пожалуй, наиболее чреватой этическими проблемами" [4, с. 114]. Одна из них тесно связана с развитием технологий генетического редактирования эмбриона человека. В августе 2017 года в "Nature" появилась статья исследователей из Орегона о коррекции генетической мутации (MYBPC3) человеческого эмбриона [13]. Мутация вызывает гипертрофическую кардиомиопатию, которая поражает сердца 0,05-0,2% населения (около 1 из 500 человек). Люди с подобной мутацией имеют высокий риск смерти в результате проблем с сердцем. Следует отметить, что это не первая попытка генетического вмешательства в эмбрион человека. Еще раньше, в 2015 году, китайские исследователи сообщали о генетической модификации аномальных эмбрионов, созданных, но не использованных, для ЭКО. Вмешательство генетиков было направлено на борьбу с бета-талассемией.

Очевидно, что и в первом, и во втором случае речь идет о терапевтической цели – исправлении генетической аномалии. Однако, если посмотреть на эти ситуации с точки зрения проблематики улучшения, то они в перспективе могут вписаться в контекст гипотетической ситуации, описанной Борисом Григорьевичем применительно к преимплантационной диагностике. Основная идея в том, что "технология оплодотворения в пробирке становится преобладающей, но уже не по медицинским, а по совсем иным основаниям" [4, с. 113.]. Следуя этой логике технология редактирования генома вполне может стать инструментом решения далеко не терапевтических задач, приближая то "светлое будущее", которое часто иллюстрируют сюжетом из фильма "Гаттака", где родители выбирают цвет глаз, волос и т.д. будущему ребенку, а врач сообщает, что взял на себя ответственность избавить его от болезней и некоторых пороков. И здесь, по сути, открывается еще одна "пограничная ситуация", но уже для биоэтики – грань между моральным одобрением лечения и этической сложностью использования этих же технологий за пределами терапии не всегда быстро фиксируется и становится предметом этико-правового регулирования.

Неопределенность того момента, за которым по отношению к новой человеческой жизни возникают или должны возникать моральные обязательства, обуславливает острые дискуссии в биоэтике и в эмбриональной этике (Embryo ethics). С появлением технологий генетической модификации генома

напряжение полемики не ослабевает, а в некотором смысле воспроизводит противостояние сторонников и противников аборт. Речь идет о диаметрально противоположных подходах к пониманию нравственного статуса человеческого эмбриона. В контексте исследовательских задач генетиков они представлены следующим образом: одна из позиций уравнивает моральный статус взрослого индивида и эмбриона человека, а потому исследования, связанные с использованием или уничтожением человеческих эмбрионов, рассматриваются как неприемлемые или могут быть приемлемыми только в ограниченном диапазоне обстоятельств; вторая исходит из того, что до 14 дня зарождающаяся жизнь представляет собой конгломерат недифференцированных клеток, который не имеет какой-либо формы чувств или самосознания, а потому не является моральным агентом.

Первая позиция, особенно в радикальной версии, связывающей начало человеческой жизни с моментом слияния половых клеток имеет особый интерес в контексте напряженных актуальных дискуссий о рисках вмешательства в зародышевые линии. В двух вышеописанных ситуациях подобных проблем не возникает, поскольку речь идет об эмбрионах, которые не предполагалось использовать для переноса и последующего развития. Однако, исходя из такой позиции вмешательство в первые 14 дней также аморально, как в любой другой момент развития эмбриона/плода, и, следовательно, любые эксперименты с ним необходимо запрещать. Таким образом, моральная амбивалентность этических позиций вмешательства в геном человека ярко демонстрирует специфику тех проблем, которые возникают в пограничной ситуации, предшествующей рождению человека. В контексте проблематики улучшения особую напряженность приобретает дилемма исследование vs. воспроизведение, которая маркирует перспективы решения терапевтических задач и пугающие эвгенические сюжеты "постчеловеческого будущего" с соответствующими картинами проектирования детей на заказ. Вместе с тем, моральной оценке подлежит не только действие, но и бездействие. В данном случае вред, причиняемый тем, кому можно было бы помочь, если исследования продолжить.

Гибридная реальность: между человеком и животным

Одна из четырех пограничных зон существования, которую выделил Б.Г. Юдин – зона между человеком и животным. Различные фантазии о гибридах и химерах человека и животного – явление совсем не новое. Скорее всего, они сопровождали человека на протяжении всего его существования. Однако сегодня технологии позволяют воплотить эти фантазии в реальность. Причины такого стремления различны, например, социальная (желание избежать чувства видового одиночества, что, в некоторой степени, подтверждает также развивающийся в последние десятилетия постгуманизм, в котором человек не рассматривается как изолированное существо, а как существо, связанное множеством различных отношений с окружающим миром) и познавательная (расширение как фундаментальных, так и прикладных знаний) [2]. Б.Г. Юдин выделяет прикладной аспект, а именно – постепенный переход от терапии к «улучшению» человека, которое он оценивает как опасное и этически сомнительное: «На первых стадиях идет поиск терапевтических возможностей, но затем, по мере совершенствования технологий, люди

начинают задумываться и о задачах улучшения, уже не излечения человека, а именно его улучшения. Это уже задачи неоевгенического характера: усовершенствование и физических, и интеллектуальных способностей человека» [4, с. 117].

Существуют все основания утверждать, что пограничная зона существования между человеком и животным с каждым годом расширяется, так как стремительно растет количество экспериментов с человеческим и животным биологическим материалом. Такие «пограничные» индивиды – это, например, пациенты ксенотрансплантации, а также объекты – пока экспериментальной – «перевернутой ксенотрансплантации». В ней прослеживается двойная гибридность и, повторяя за Б.Г. Юдиным, двойная неопределенность: сначала создается эмбрион животного (чаще всего свиньи) с человеческими стволовыми клетками, из которых должен развиваться человеческий орган. Эта фаза экспериментов уже принесла некоторые успехи [8]. Далее, по замыслу ученых, человеческий орган, выращенный в животном, должен быть пересажен пациенту. Технологии позволяют в данном случае избавиться от некоторых медицинских и технических рисков, в первую очередь, значительно снижая риск отторжения, хотя в том, что касается сферы этических проблем, никакого прогресса нет.

Другой пример пограничного состояния между человеком и животным – это создание гибридных эмбрионов для получения стволовых клеток или проведения опытов: через соединение лишённой ядра яйцеклетки животного с ядром любой человеческой клетки. Генетический материал животного (митохондриальный) и человека (ядровой) складывается в пропорции 0,1 % к 99,9 %. Фенотип гибрида в данном случае определяется человеческим геномом. Создание человеко-животных эмбрионов позволило бы решить проблему этических ограничений экспериментирования на человеческих эмбрионах, например для тестирования индивидуально нацеленных терапий нейродегенеративных заболеваний.

Еще одна сфера, в которой возникают «пограничные» существа: нейронауки. Например, трансплантация человеческих эмбриональных стволовых или нервных клеток в мозги приматов (как эмбрионов, так и взрослых особей), а также трансплантация фрагментов тканей мозга.

Особенного внимания заслуживает создание трансгенных животных с человеческими генами. Такие организмы используются, например, для исследований болезней и тестирования действия медикаментов. Широко известно трансгенное животное – онкомышь (гарвардская мышь, OncoMouse™) – мышь с человеческим геном рака, созданная Филиппом Ледером и Тимоти А. Стюартом в 1984 г. путем внедрения человеческого гена рака молочной железы в эмбрионы мышей. О феномене онкомыши с гуманитарной перспективы писала Д. Харавэй [9]. Она также увидела в онкомыши существо «пограничное» и представила ее как биологический артефакт на границе миров (человек-животное, наука-технология, естественное-искусственное). Похожих трансгенных животных существует достаточно много, среди них есть коровы, козы и овцы, которые производят человеческие ферменты вместе с молоком, и даже бактерии, производящие, например, инсулин.

Пока гипотетичной остается сфера «улучшения» человека посредством добавления генов или клеток

животных с целью получения человеком их способностей. Такая практика могла бы стать особенно результативной, если бы гены внедрялись в человеческий эмбрион, поскольку эмбрионы не способны отторгнуть «добавку». Подобные гипотетические существа были бы созданы не для достижения определенной терапевтической или лабораторной цели, и, тем самым, наделены четко определенной судьбой и продолжительностью жизни, а для того, чтобы жить полноценной (или даже «более ценной») жизнью в качестве транс- или постчеловека. Это идеальный пример существования в пограничной зоне между человеком и животным.

Как считает Дж. Агамбен, «в нашей культуре человек всегда мыслился как разделение и объединение тела и души, живого существа и *logos'a*, природного (или животного) и сверхъестественного, социального или божественного элемента. Наоборот, мы должны учиться мыслить человека как результат разятия двух этих элементов и исследовать не метафизическую тайну их объединения, а практическую и политическую тайну их разделения» [1, с. 26]. Это означает, что граница между человеком и животным проходит внутри человека и человечество – это эффект разлучения этих двух начал, а тем самым, природа человека – это динамическое понятие, вновь и вновь требующее подтверждения. Пограничную зону существования между человеком и животным можно рассматривать как неопределенность и размытие границ, а можно также – как признак новой, вызванной технологиями, гибридной реальности, в которой существуем. Вряд ли получится исключить пограничные зоны и «лиминальные жизни» из опыта современного человека. Несмотря на все этические проблемы и риски, которые их существование влечет за собой, мы, вероятно, стоим перед вызовом включения пограничных существ в наш моральный и концептуальный порядок. Моника Бакке пишет в этом контексте об «инкорпорированном изменении, разрывающем границы между формами жизни *in vivo*, *in silico* и *in vitro*. Меняющиеся технологии производят очередные киборгические морфы, а гибридность стала способом ежедневного существования» [7]. Гибридная реальность, «межвидовость», а вместе с ней все более значимое, отнюдь не маргинальное, присутствие пограничных зон, требуют переосмысления наших жизненных стратегий.

"Суррогатный человек": проблема искусственного в биотехнологиях

Ставя перед собой задачу определения человека, Б.Г. Юдин пишет: "я хочу обратить внимание на то, что развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский (а стало быть, как нередко считают, абстрактно-отвлеченный) вопрос вполне прагматическим, вопросом нашей повседневной жизни" [4, с. 103]. Не случайно пороговое состояние «искусственное-естественное» избирается одним из критериев. Ведь в биомедицине именно искусственное определяет связь науки и человека.

Уже на уровне методологии идея искусственного широко используется Борисом Григорьевичем при анализе гуманитарных технологий. Для гуманитарных технологий свойственна референция к консервативному подходу [5, с. 169], который характеризуется созерцательной оптикой в отношении природы, и как следствие, он приводит к отождествлению природы и ценностных императивов. Противоположная позиция исходит из переноса ценностных установок с объекта исследования на

задачи, которые исследователь ставит перед собой как цели, которые, в итоге, преобразуются в интенции, направленные на формирование и реализацию проектов, лежащих за пределами ценностных императивов, возникающих из созерцательного восприятия природы. Как следствие, гуманитарные технологии могут «навязать выбор», а могут служить для обоснования расширения возможностей выбора, будучи совокупностью методик и проектов [5, с. 169]. Замещение природы машинами и биоинжендериями, по сути, тоже является совокупностью биотехнологических методик и проектов. Выявление рисков, связанных с появлением искусственного в жизни человека входит в цели, которые преследует гуманитарная экспертиза.

Б.Г. Юдин обращает внимание на то, что: «<...> взаимодействие, даже взаимопроникновение человека и машины – это сегодня, наверное, одна из наиболее заметных тенденций научно-технического прогресса» [4, с. 116]. Разумеется, в эпоху технауки человек сам активно стремится пользоваться биотехнологиями, ему свойственно инициировать мотивации, формирующие цели и проекты, достижение которых возможно только через обращения к созданным с помощью биотехнологий процессам. Рассматривая проблему генетического допинга в спорте, Э. Миа [14] предлагает анализировать мотивацию спортсменов, опираясь на идеи человеческого достоинства и автономии, которые рассматриваются как основания независимости нравственных убеждений. Э. Миа вводит важную характеристику личности – способность к мнению о мнении.

Регулятивом для спортсменов являются очевидные условия, которые могли бы запретить или, напротив, оправдать использование генетического допинга, открывающего возможности превращения человека в супер спортсмена. Эти условия определяются как *горизонты смысла*. Наиболее важные спортивные горизонты смысла могут быть установлены через определение границы, разделяющей *лечение и улучшение*, и оценку вреда, который может возникнуть в результате использования биотехнологий.

Не удивительно, что в связи с интересом к возможностям биотехнологий, сегодня все более востребованными становятся пограничные, предельные критерии, разделяющие в человеке искусственный и естественный миры. Эти критерии создаются «про запас», как ответ на формирующиеся в биотехнологиях возможности тесной интеграции в человеке искусственного и естественного. Дж. Харрис проводит разделение между человеческим миром и миром искусственного интеллекта через феномен общности человеческого опыта, в основе которого лежит способность человека к сопереживанию. Он полагает, что человек отличается от машины такими особенностями, которые можно обозначить как «синдром Шейлока» (определение которого Дж. Харрис заимствует из пьесы У. Шекспира «Венецианский купец») [12]:

«Разве не та же самая пища питает его [иудея], не те же оружие ранит его, не те же болезни поражают его, не те же средства лечат его, не так же знобит зима, не так же греет лето, что и христианина? Когда нас колют, разве из нас не течет кровь? Когда нас цекочут, разве мы не смеемся? Когда нас отравляют, разве мы не умираем? А когда нас оскорбляют, разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом. Если еврей оскорбит христианина, что

внушает тому его христианское смирение? Месть! А если христианин оскорбит еврея, каково должно быть его терпение по христианскому примеру? Тоже мсть! Гнусность, которой вы меня учите, я покажу вам на деле. И уж поверьте, я превзойду своих учителей!» [3].

Несмотря на то, что совокупность опыта, формирующая человека, не может быть представлена в формальном виде – как философская идея, антропологическое единство, или взаимность [10], она подразумевает общность человеческого переживания. Принимая решения, человек, в отличие от машины, (на место машины мы можем поставить суперулучшенного спортсмена или морального улучшенного члена общества будущего) имеет в виду не только «знаю, как» и «знаю, что», но также и «знаю, почему» и «знаю, как это ощущается» [10].

Необходимо отметить, что проблема разграничения искусственного и естественного лежит не только, и не столько в области биомедицины, но и сфере философии. Утилитаристский взгляд на науку допускает безграничное использование искусственных субстанций и созданных на их основании биотехнологий при соответствующем социогуманитарном контроле процессов, сопряженных с изменением человека [6]. Сторонники естественно-онтологической и персоналистской парадигмы готовы признавать лишь те искусственные процессы, которые не будут воздействовать на такое ключевое свойство человека, как свободная воля [10]. Хотелось бы надеяться, что разработка критериев риска с помощью философских и этических представлений будет учитываться при определении допустимых пограничных зон, в рамках которых слияние человека и искусственных объектов (к которым можно отнести электронные устройства, искусственные наночастицы, микромашины, отредактированные гены) происходит без разрушения существующего статуса человека. Эти же критерии необходимы для того, что понять, при каких условиях искусственно созданные устройства и биологические объекты изменяют человека настолько, что можно будет констатировать наступление критической и пост-критической фаз изменения человека, за пределами которых мы столкнемся с иной, незнакомой нам социогуманитарной реальностью.

Не случайно Борис Григорьевич рассматривал гуманитарную экспертизу как превентивную социальную технологию, нацеленную на «опережающее» осмысление рисков и возможностей технологических инноваций, открывающих новые зоны пограничного существования человека. Интерес к последним во многом детерминирован развитием технологий улучшения человека, ставящих под вопрос традиционные представления о человеческом в человеке и границах возможного вмешательства в его тело и природу. Одним из способов поиска ответов на новые вопросы о человеке является биоэтика. В её формирование в нашей стране Б.Г. Юдин внес решающий вклад, заложив прочный фундамент для дальнейшей теоретической разработки и поиска практических решений многих проблем, которые неизбежно будут вопрошаны о человеке и о его перспективах в эпоху биотехнауки.

Литература:

1. Агамбен Дж. Открытое / Пер. с итал. и нем. Б.М. Скуратова. – М., 2012.
2. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. – М.: ИФРАН, 2017.

3. Шекспир В. Венецианский купец. Акт 3, сцена 1 // Избранные произведения. Перевод И. Б. Мандельштама / ГИХЛ. – М.-Л., 1950.
4. Петров В.И. Безнравственность в отношении к науке недопустима // Биоэтика. № 1(11). 2013. С.5.
5. Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. 5. – С. 102-118.
6. Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарные ориентиры научного познания. – М.: «Навигатор», 2014.– С. 159-173.
7. Bakke M., Bio-transfiguracje. Sztuka i estetyka posthumanizmu. – Poznań 2012. –Wydawnictwo Naukowe UAM.
8. Gallagher J. BBC News. Human-pig 'chimera embryos' detailed. URL: <http://www.bbc.com/news/health-38717930>.
9. Haraway D. Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan©_Meets_OncoMouse™. Feminism and Technoscience". – N.Y.; L., 1996.
10. Harris J. How to be good. The possibility of moral enhancement. Oxford, 2016.
11. Kovaka K. Biological individuality and scientific practice //Philosophy of Science. – 2015. – Т. 82. – №. 5. – С. 1092-1103.
12. Lawrence D. R., Palacios-Gonzalez C., Harris J. Artificial intelligence: The Shylock syndrome //Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. – 2016. – Т. 25. – №. 2. – С. 250-261.
13. Ma H. et al. Correction of a pathogenic gene mutation in human embryos // Nature. – 2017. – Vol. 548. – №. 7668. – С. 413-419.
14. Miah A. Genetically modified athletes: Biomedical ethics, gene doping and sport. – Routledge, 2004.

References

1. Agamben Dzh. Otkrytoe / Per. s ital. i nem. B.M. Skuratova. – М., 2012.
2. Kozhevnikova M. Gibridy i himery cheloveka i zhivotnogo: ot mifologii k biotekhnologii. – М.: IFRAN, 2017.
3. Shekspir V. Venecianskij kupec. Akt 3, scena 1 // Izbrannye proizvedeniya. Perevod I. B. Mandel'shtama / GIHL. – М.-Л., 1950.
4. Petrov V.I. Beznravstvennost' v otnoshenii k nauke nedopustima // Bioetika. № 1(11). 2013. S.5.
5. Yudin B.G. Granicy chelovecheskogo sushchestva kak prostranstva tekhnologicheskikh vozdeystvij // Voprosy social'noj teorii. – 2011. – Т. 5. – С. 102-118.
6. Yudin B.G. Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tekhnologiyam // Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniya. – М.: «Навигатор», 2014.– С. 159-173.
7. Bakke M., Bio-transfiguracje. Sztuka i estetyka posthumanizmu. – Poznań 2012. –Wydawnictwo Naukowe UAM.
8. Gallagher J. BBC News. Human-pig 'chimera embryos' detailed. URL: <http://www.bbc.com/news/health-38717930>.
9. Haraway D. Modest_Witness@Second_Millennium. FemaleMan©_Meets_OncoMouse™. Feminism and Technoscience". – N.Y.; L., 1996.
10. Harris J. How to be good. The possibility of moral enhancement. Oxford, 2016.
11. Kovaka K. Biological individuality and scientific practice //Philosophy of Science. – 2015. – Т. 82. – №. 5. – С. 1092-1103.
12. Lawrence D. R., Palacios-Gonzalez C., Harris J. Artificial intelligence: The Shylock syndrome //Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. – 2016. – Т. 25. – №. 2. – С. 250-261.
13. Ma H. et al. Correction of a pathogenic gene mutation in human embryos // Nature. – 2017. – Vol. 548. – №. 7668. – С. 413-419.
14. Miah A. Genetically modified athletes: Biomedical ethics, gene doping and sport. – Routledge, 2004.

УДК 172

С огромной благодарностью за то, что Вы были с нами, за Ваши идеи и человечность в жизни и философии (памяти Бориса Григорьевича Юдина)

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ЧЕЛОВЕКА-КАК-ИСПЫТУЕМОГО».

О.В. Попова

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Г. Москва. J-9101980@yandex.ru

В статье рассматриваются этические и антропологические проблемы конструирования человека. На основании идей Б.Г. Юдина рассмотрены типы конструирования, выявлены онтологические предпосылки и представлен лингвистический модус конструирования человека. На примере биоэтического казуса «бревен» рассмотрен процесс превращения человека в человека-как-испытуемого (понятие Б.Г. Юдина) и показано, что биомедицинское исследование с участием людей-испытуемых выглядит как процесс постепенного абстрагирования от человеческого в человеке, в результате которого исследователь приближает испытуемого, как носителя определенного имени, личностных характеристик, физических качеств и т.д. к состоянию объекта, с которым ему проще иметь дело как ученому.

Ключевые слова: конструирование человека, человек-как-испытуемый, улучшение человека, этика.

DESIGN OF HUMAN AS TEST SUBJECT

O.V. Popova

PhD (philosophy), Leading Research Fellow, Head of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Moscow, J-9101980@yandex.ru.

The article discusses ethical and anthropological problems of human design. Based on the ideas suggested by B.G. Yudin, we reviewed a number of types of biotechnological design and described ontological characteristics and linguistic mode of the design process. We used the "logs" bioethical incidence to describe the process of transformation of a person into a test subject (the concept suggested by B.G. Yudin). We found that biomedical investigation involving human subjects seems to be a process of gradual changes in human characteristics. We conclude that researchers regard human subjects as bearers of certain names, personal characteristics, physical qualities, etc. and *equal them* with research objects.

Key words: human design, human as a test subject, human enhancement, ethics of biotechnology, experimentation on human subjects

Развитие исследований проблематики «конструирования человека» в отечественной философской традиции было заложено в работах И.Т. Фролова и впоследствии оказалось связано с творчеством Б.Г. Юдина и во многом именно благодаря ему стало широкоупотребимым в российской философии и биоэтике.

Б.Г. Юдин исследовал феномен конструирования человека в широком социальном контексте и ввел понятие практик конструирования, рассматривая их на примере сравнения традиционных задач образовательной и медицинской деятельности. При этом он отталкивался от присущего любой деятельности измерения нормативности. Так, в отношении медицины речь идет о восстановлении, воссоздании уже бывшего (здоровья), а, например, для сферы образования (воспитания) - о трансформации, изменениях, своего рода конструировании уникального человеческого индивида. Медицина на протяжении своего развития носила реконструктивный характер,